

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое издание является первой полной публикацией фаюмских портретов, находящихся в советских собраниях. В данном труде автор ставил своей задачей не только дать описание издаваемых памятников, но и стремился выяснить вопросы их датировки и стили, а также счел необходимым указать место живописи греко-римского Египта в истории искусства эллинистического Востока. Дать всестороннее, большое исследование, используя материал иностранных коллекций, было немислимым хотя бы потому, что большинство памятников осталось неизвестно автору в оригиналах. Кроме того, для этой цели потребовалась бы вообще длительная работа в Египте и в музеях Европы, так как даже для опубликованных портретов столь важное для исследователя происхождение памятника часто остается либо вовсе неизвестным, либо сомнительным. Желая особенно заострить внимание читателя на вопросах исторических и стилистических, автор вынес в примечания весь вспомогательный материал, а также выделил в виде особого очерка анализ живописной техники фаюмского портрета.

Несмотря на то, что с каждым годом собирается все больший и больший материал по эллинизму на Востоке, однако для большинства местностей лагуны еще столь значительны, что не приходится подводить хотя бы предварительные итоги по самым кардинальным вопросам. Тем более ценен египетский материал, для которого количество лагун, если и не незначительно, то не велико. Наблюдения над искусством Египта греко-римского периода заставляют прийти к выводам, которые в значительной мере важны и для византологов и для специалистов по искусству Востока. В текущий момент они, пожалуй, для последних важнее, нежели для первых. Проблема фаюмского портрета неоднократно ставилась исследователями, но в большинстве случаев ею интересовались лишь с точки зрения возникновения ранневизантийского искусства. Поскольку в настоящее время значительно продвинуто исследование „позднего антика“ в различных римских провинциях, фаюмский портрет, как таковой, начинает занимать иное место и по отношению к римскому искусству позднего периода. Все вышеизложенные моменты были учтены автором в его вступительной статье, которая помимо того ставит своей целью по возможности всесторонне ознакомить советского читателя с живописью эллинистического Египта.

В небольшом очерке по технике фаюмского портрета, по энкаустике и по тем-пере автор совершенно сознательно избегал освещения и углубления спорных вопросов, связанных с восковыми красками, их изготовлением, способами их наложения на живописную поверхность, живо обсуждавшихся в европейской литературе XVIII и XIX вв. В данном разделе книги автор главным образом изложил свои наблюдения над технической стороной обследованных им памятников. Вне сомнения, химическому анализу в этой области в ближайшем будущем принадлежит решающая роль.

Автор должен принести свою глубокую благодарность всем тем, кто способствовал написанию данной книги. Это прежде всего относится к моим товарищам по работе в Государственном музее изобразительных искусств Т. Н. Бороздиной-Козьминой, М. М. Кобылиной, В. В. Павлову и В. И. Авдиеву и к работникам сектора Востока и Античного сектора Государственного Эрмитажа М. Э. Матье, К. С. Ляпуновой, А. А. Передольской, А. И. Воициной и И. М. Лурье. Автор глубоко благодарен А. М. Эфросу за то, что он любезно взял на себя труд литературного просмотра рукописи. В. Н. Лазарева и Ф. А. Петровского он дружески благодарит за советы и помощь в области библиографии и толкования текстов античных авторов.

Но, пожалуй, больше всего я обязан в своей работе Владимиру Константиновичу Мальмбергу и Оскару Фердинандовичу Вальдгауэру, чье замечательное умение видеть и художественно истолковать памятник служили мне образцом искусствоведного анализа. Всегда с исключительной благодарностью буду я вспоминать все то, чему я научился в короткие годы моих занятий у В. К. Мальмберга. Никогда не изгладятся из памяти наши длительные беседы с О. Ф. Вальдгауэром. Если бы не руководство и советы этих двух выдающихся ученых, настоящая работа не была бы написана.

А. Стрелков.

**ФАЮМСКИЙ ПОРТРЕТ И ЖИВОПИСЬ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВОСТОКА**

Принятые сокращения

ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств в Москве.
Г. Э.	Государственный Эрмитаж.

Восьмидесятые годы прошлого века были отмечены повышенным интересом к античной живописи и станковой в частности. Причиной этому были, в первую очередь, начавшиеся еще в XVIII веке планомерные и успешные археологические работы на почве Италии, в результате которых достоянием науки стало значительное количество памятников римской стенописи, отражающих и повторяющих произведения классического периода¹. Очень большое значение имела сделанная арабами осенью 1887 года находка в Среднем Египте, в Фаюмском оазисе, около современного селения эр-Рубайят (возле которого располагается городище древней Филадельфии), гробниц, полуразграбленных, повидимому, еще в VI—VII веках н. э. На мумиях этих погребенных оказались вместо обычных, пластически выполненных масок живописные портреты, в значительном количестве исполненные в чисто эллинистической традиции. Эти портреты, получившие впоследствии по месту находки название „фаюмских портретов“, попали от египетских старьевщиков-перепродавцов в руки к венскому антиквару Theodor Graf. Здесь с ними познакомился известный египтолог и писатель Georg Ebers, который оценил сразу их историческую и художественную значимость и сыграл не меньшую, чем их владелец, роль в деле пропаганды этих памятников, организовав ряд выставок в различных городах Европы и сделав несколько публикаций². Интерес и внимание к фаюмским или, как они тогда назывались, „античным“ портретам усиливались еще тем, что значительное количество этих памятников, как оказалось, было выполнено в энкаустической манере письма, т. е. восковыми красками, иными словами—в той технике, которая, по свидетельству древних авторов, была основной в греко-римской станковой живописи.

К 94 портретам коллекции Th. Graf после раскопок, предпринятых зимой 1887/88 года египтологом Flinders Petrie там же, в Фаюме, в местности Хавара (километров восемь к юго-востоку от Мединет эль-Фаюма), прибавилось еще около 40 портретов, а к ним впоследствии присоединились аналогичные памятники, добытые тем же исследователем в этой же местности во время раскопок 1910—1911 годов. Это составило, вместе с некоторыми случайными находками, для Хавары общую сумму

в сто семьдесят портретов. Современная Хавара занимает место некрополя эллинистического города Арсинои (древнего Крокодилополиса, современного эль-Фаюма), в греко-римский период бывшего центром Арсиноитского округа³. Количество портретов, найденных в эр-Рубайяте, приблизительно равно ста тридцати. Таким образом, с Фаюмом связано около 300 портретов. Количество всех известных портретов в настоящее время предположительно равно четырестам, причем, кроме Фаюма, такие же памятники найдены были как неподалеку от этой же местности, в Абусир эль-Мэзэе и эль-Хибехе, так и в Мемфисе, Антинополисе, Ахмиме и Фивах. Эти результаты раскопок и находок поступали, как известно, в европейские и американские музейные собрания, а также в Каирский музей.

Из советских музейных собраний фаюмскими портретами обладают Государственный музей изобразительных искусств и Государственный Эрмитаж. Известным ориенталистом, первым русским египтологом В. С. Голенищевым было приобретено во время его путешествия в Египет, зимой 1888/89 года, свыше 10 фаюмских портретов⁴. К ним присоединились памятники более поздних покупок, а равно два портрета, принадлежавшие до 1912 года Ю. С. Нечаеву-Мальцеву. К настоящему времени коллекция Государственного музея изобразительных искусств состоит из 23 памятников. Коллекция эта, помимо высокохудожественной качественности ряда досок, представляет также исключительный интерес в том отношении, что ее состав удачно позволяет проследить ряд этапов в истории развития фаюмского портрета. Менее богатое собрание Государственного Эрмитажа состоит из 9 портретов и их фрагментов; оно в большей своей части принадлежало покойному академику Б. А. Тураеву, приобретшему его в Египте в 1910 году. Наконец, одна доска находится в Государственном русском музее, перейдя туда вместе с собранием древнерусских икон коллекции Н. П. Лихачева⁵.

До находки портретов коллекции Th. Graf и памятников, добытых раскопками Flinders Petrie, фаюмские портреты, в ограниченном количестве, находились в Дрездене, в Париже (Лувр и Национальная библиотека), в Лондоне (Британский музей) и во Флоренции. Дрезденские портреты, по времени своего привоза в Европу, являются наиболее ранними; они были, как значится в записях 1615 года, добыты Pietro della Valle „из ипгеев Саккара“⁶. Надо также отметить, что один из двух портретов Национальной библиотеки, поступивших туда в 1836 году, находится на мумии; иными словами, этот портрет еще до материалов, добытых позднейшими раскопками, позволил установить способ использования портретных живописных досок, что и дало возможность Е. Ledrain, опубликовавшему его в 1877 году, совершенно правильно отметить, что тут „иконографически греческое изображение соединилось с данными египетской мумии“⁷.

Фаюмские портреты, и в частности наиболее эллинистические из них, рассматривались и изучались в большинстве случаев в качестве памятников греческого искусства. В исследованиях, посвященных им, преобладали интересы иконографические

и вопросы, связанные с живописной техникой или с культовыми моментами, тогда как вопросы стиля, сложившегося как результат той социально-исторической среды, где возникли эти исключительно интересные, в полном смысле слова синкретические памятники, оставались затемненными, а очень часто и вовсе неадресованными⁸.

Дать законченные и четкие ответы на все вопросы, связанные с фаюмскими портретами, будет трудно до того времени, пока не будет сведен воедино и издан весь обнаруженный материал; при этом, помимо самих фаюмских портретов, потребуется еще документированная публикация египетских эллинистических погребальных пелен с лицевыми изображениями, а также гипсовых пластических масок греко-римского периода. Однако количество опубликованного материала уже настолько значительно, что даже на памятниках советских собраний можно дать характеристику этого круга восточно-эллинистического искусства. Такую задачу и ставит себе настоящее исследование. При этом специальное внимание уделяется вопросам, которые еще не получили решения в отношении данного ряда памятников и в то же время являются основными: это датировка отдельных портретов и стилистический анализ памятников.

I

Первый век до н. э. в Египте, т. е. конец Птолемеевского периода, характеризуется двумя чертами: ослаблением государственной власти Лагидов, династии колонизаторов-греков, и расшатанностью всего административного аппарата страны. Такое положение дел было результатом общего неудовлетворительного экономического состояния страны и весьма облегчило окончательное подчинение Нильской долины Римской империи. Однако положение греков еще продолжает в этот период оставаться привилегированным, несмотря на то, что в целом ряде местностей Египта уже образовались смешанные греко-египетские слои населения, сложившиеся за трехвековой период эллинизации страны. Повидимому, доступ к высшим административным должностям при Птолемах был для египтян вовсе закрыт, разве только, ассимилируясь с греческой частью населения, они окончательно не подпадали под процесс эллинизации. Птолемеи бесспорно представляли собой верхушку греческой, колонизирующей части населения. Основному египетскому населению эллинистическая культура продолжала оставаться чуждой и враждебной. Египетское население сосредотачивалось главным образом в деревнях и больших селах, получивших название метрополий, *μητροπόλεις*; оно не проникало в чисто эллинистические центры, каким в первую очередь была Александрия. Однако греками по всей стране, как в городах, так и в больших селах, были раскинута греческие общины, которые должны были поддерживать эллинскую культуру — *πολιτεύματα*. Эти общины располагались обычно в особых греческих кварталах. Кроме того, внедрение греческого элемента шло еще путем перевода на землю военных частей — *κληροῦχοι κάτοικοι*. Это практиковалось

в дельте Нила и особенно в Фаюме. Подобные мероприятия диктовались необходимостью поднять земледелие и виноградарство в данных местностях, где значительные участки земли пустовали.

Однако находившиеся в руках греков земельные участки обслуживались не ими, а коренным населением, т. е. фактически процессы хозяйствования и обрабатывания земли совершались египтянами. Наоборот, в городах росли и развивались греко-египетские и чисто греческие слои, значение которых, особенно в торговле больших центров и, в частности, Александрии, было очень велико. Вместе с администрацией они составляли опору существовавшей власти. Вполне естественно, что при подобном положении, выгодном для колонизаторов-греков и тягостном для большей части основного населения страны, отношения между обоими элементами были враждебными. Однако одновременно происходил другой процесс — процесс постепенного ориентализирования эллинистической части населения Египта. В области изобразительного искусства, так же как и в других видах идеологии, он дал особенно наглядные результаты. Медленно, но верно внедряясь, египетский элемент видоизменялся сам в этом процессе и в то же время рааагал принесенные колонизаторами эллинистические, чуждые формы как в области бытовых сторон жизни, так и в культе и в искусстве. Это взаимное проникновение одного элемента в другой проявляется особенно наглядно во всем, что связывается с той частью населения, которая может быть названа в полном смысле слова греко-египетской, поскольку современные, не всегда достаточно документированные данные все же отчетливо устанавливают, что некоторые слои греческого населения значительно более египтизировались, нежели другие. Повидимому, это относится, в частности, к греческой колонии Фаюмского оазиса, где, как и в других местах, образование греко-египетской части населения шло путем заключения смешанных браков между колонизаторами и туземцами. Нет сомнения, что именно в этой среде и возникли мумии, на которых были фаюмские портреты.

С приходом римлян, на греческую и египетскую часть населения Египта лег еще один, хотя очень тонкий слой — новых владельцев страны, римлян. Однако греческий язык остается официальным языком Египта и при императорах, и лишь весьма незначительная часть деловых документов этого времени сохранилась на латинском языке. Фактически и в римский период Египет продолжал быть эллинистическим. Несомненно, что это наличие сильного греческого и „грецизированного“ египетского элемента, а также желание использовать Египет как важную сырьевую и продуктовую базу заставляет Октавиана передать Египет в личное управление императора и тем самым изъять его из ведения сената, причем, как известно, сенаторам даже был запрещен въезд в страну. Привилегированное положение связывается теперь с *civitas romana*, римским гражданством, которому противопоставляется *civitas alexandrina*, что не мешает тому, что главной опорой Рима в Египте является, помимо расквартированных в стране легионов, и греко-египетская часть населения. Доступ в римское гражданство широко открывается эдиктом Каракаллы в 212 году н. э.,

1. Мозаика из Палестины. Разлив Нила. Деталь. Сцена из сельской жизни египтян и сцена из жизни греко-римской части населения — пир.

Национальный музей в Неаполе.

но коренное египетское население остается бесправным, и его положение со временем все более ухудшается.

Однако в области идеологической Рим мало что меняет в той последовательно продолжающей свое развитие эллинистической культуре, которая наличествует в Египте. Пропать, лежащая между большей частью туземного и греческим населением, остается и при римском господстве. Документ III века н. э., где некто, обращаясь к своим братьям, говорит: „вы приняли меня за варвара или нечеловекоподобного египтянина“, является этому лучшим доказательством⁹.

На основе подобного рода социально-экономических взаимоотношений и должна была зародиться та специфическая культура греко-римского Египта, которая в изобразительном искусстве достигла едва ли не максимума выразительности. Еще очень недавно, до обстоятельных работ Sieglin Expedition¹⁰, казалось, что искусство Александрии, наиболее эллинизированного из всех центров страны, весьма незначительно насыщено туземными, египетскими элементами. Значение фаюмских портретов представлялось неясным, а такие памятники, как погребальные пластические гипсовые маски, рассматривались не столько под углом зрения явлений стиля, сколько в качестве документов истории материальной культуры. Специально фаюмские портреты привлекали к себе больше внимания, нежели скульптура, мелкая пластика и архитектура, но, как уже было отмечено, в них хотели видеть прежде всего памятники античного искусства. С другой стороны, фаюмские портреты обследовались византологами как показатели упадка и в то же время продолжения греко-римских традиций. Провозглашенная Fr. Wickhoff в его „Wiener Genesis“ теория об единстве римского искусства и ведущей роли столицы империи¹¹ нашла противников: Josef Strzygowski¹² в Европе и менее крайний и более обстоятельный Д. В. Айналов¹³ у нас выдвинули положение о значительном и доминирующем участии Востока и, в частности, Египта в сложении того, что Alois Riegl, ярко выраженный идеалист, назвал новым „Kunstwollen“, новой „художественной волей“¹⁴. Эта новая „художественная воля“, пришедшая якобы вместе с торжеством христианства в качестве государственной религии, представлялась этим исследователем тем, что легло в основу стиля средневековой Европы и Византии; но при этом надо отметить, что для J. Strzygowski Египет быстро отошел на задний план, и поиски подтверждений в пользу Востока, чему посвящена первая часть положения „Orient oder Rom“, завели этого исследователя далеко в глубины азиатского материка. После того как первые годы нашего столетия остро поставили вопрос об участии Востока в сложении стиля позднеимперского искусства, роль Египта в этом процессе, равно как остальных частей Римской империи, интересовала византологов больше всего, и в таких больших работах, как труды O. M. Dalton и O. Wulff, мы найдем специальные разделы, посвященные эллинистическому периоду страны фараонов¹⁵. Работы Sieglin Expedition, особенно в Ром эш-Шукафа (некрополе Александрии), окончательно доказали, что в искусстве так называемого римского периода мы имеем в отдельных